

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.8>

Петришина Ирина Дмитриевна

Партийцы "от сохи" 1920-х гг.: социально-экономическая характеристика сельских коммунистов на примере Козловского округа Центрально-Чернозёмной области

Цель исследования - определить особенности социально-экономического положения сельских коммунистов 1920-х гг. на примере аграрного региона страны. В статье показаны хозяйства коммунистов "от сохи" - крестьян-землепашцев. Научная новизна заключается в комплексном анализе социально-экономического положения сельских коммунистов изучаемого региона в годы нэпа. В результате показано количественное преобладание сельских коммунистов над другими группами партийцев в Козловском округе Центрально-Чернозёмной области, определены особенности их социально-экономического положения, выявлена тенденция обособления руководящего сельского состава ВКП(б) от рядовых коммунистов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/10/8.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 40-45. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

14. Ильенков В. Без Ленина, но с ленинизмом (к 5-й годовщине смерти В. И. Ленина) // Коммунар. 1929. № 1. С. 3-8.
15. Кознова И. Е. Большевики и крестьянство в годы нэпа: мобилизуя память о революции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3 (47). С. 33-41.
16. Комсомол за выполнением партийных директив (Жиздринский уезд) // Коммунар. 1928. № 2. С. 56-59.
17. Конфессии на Гомельщине (20-30-е годы XX в.): документы и материалы / сост. М. А. Алейникова и др.; под ред. В. П. Пинчукова; редкол.: В. И. Адамушко и др. Мн.: НАРБ, 2013. 388 с.
18. Мирошенков О. А. Управление идентичностями: возможности и пределы. Социально-философский анализ // Социология власти. 2011. № 8. С. 12-29.
19. Мищенко Т. А. «Мягкая политическая сила» в процессе смены крестьянской идентичности в годы нэпа (по материалам Брянской и Гомельской губерний) // Аспект. 2019. № 1-4 (9-12). С. 78-82.
20. Мищенко Т. А. Образ жизни крестьянства юго-западных губерний Центра России в 1921-1927 гг.: традиции и новации: монография. Брянск: Группа компаний «Десяточка», 2009. 224 с.
21. Рашковский Е. Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 33-39.
22. Тарасенко В. Н. Быт периода нэпа: борьба старого и нового (историографические заметки) // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 161-171.
23. Токарева И. В. Кресткомы и их деятельность в Брянской губернии в 1921-1925 гг. // Общественная мысль, движения и партии в России XIX-XX вв.: сборник научных статей по материалам пятой научной конференции (17 декабря 2002 г.): в 4-х ч. Брянск: РИО БГУ, 2002. Ч. 4. С. 51-59.
24. Филимонов В. Я., Журов Ю. В., Будаев Д. И. История крестьянства западного региона России 1917-1941 гг. Калуга: Издательство Н. Бочкаревой, 2002. 336 с.
25. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 112-123.

Young Generation in Constructing New Political Identity in the 1920s in the Countryside of the Southwest of Central Russia

Mishchenko Tatyana Alexandrovna, PhD
Bryansk State Academician I. G. Petrovski University
miapost@yandex.ru

The study aims to prove that children's and youth's organisations of the 1920s were effective in forming a new political identity among the peasant population in the southwest of Central Russia. Scientific novelty of the work lies in referring to the process of replacing a traditional identity of a peasant with a new political one by employing various forms of mass work in the countryside and in identifying the projects successful in influencing the peasant population of the considered region. As a result of the study, it has been revealed that the most productive form of conducting political agitation among the masses in the 1920s was involving Pioneer and Komsomol organisations, which aided in spreading a new political identity from cities to the countryside and from the young to the older generations of the peasant population.

Key words and phrases: peasant population of Central Russia's southwest; political identity; political loyalty; activism; children's and youth's organisations.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.8>

Дата поступления рукописи: 18.09.2020

Цель исследования – определить особенности социально-экономического положения сельских коммунистов 1920-х гг. на примере аграрного региона страны. В статье показаны хозяйства коммунистов «от сохи» – крестьян-землепашцев. *Научная новизна* заключается в комплексном анализе социально-экономического положения сельских коммунистов изучаемого региона в годы нэпа. *В результате* показано количественное преобладание сельских коммунистов над другими группами партийцев в Козловском округе Центрально-Чернозёмной области, определены особенности их социально-экономического положения, выявлена тенденция обособления руководящего сельского состава ВКП(б) от рядовых коммунистов.

Ключевые слова и фразы: нэп; сельские коммунисты; партийные ячейки; крестьянское хозяйство; социально-экономическое положение; колхозное строительство.

Петришина Ирина Дмитриевна, к. ист. н., доц.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
petrishina62@mail.ru

Партийцы «от сохи» 1920-х гг.: социально-экономическая характеристика сельских коммунистов на примере Козловского округа Центрально-Чернозёмной области

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современной исторической науке не изучено социально-экономическое положение сельских коммунистов в годы нэпа. Для периода 1920-х гг. характерно

изменение партийных задач в формировании социальной опоры партии в деревне. Изучение хозяйственной деятельности сельских партийцев в свете аграрной политики партии позволяет показать социальный состав партийных кадров в деревне. Исследование отдельных слоев формирующейся партийной элиты в деревне дает возможность воссоздать не только сельскую партийную жизнь с ее специфическими чертами 1920-х гг., но и оценить хозяйственную деятельность тех крестьян, на которых в 1930 г. будут возложены масштабные экономические, политические, идеологические и организационные задачи по проведению насильственной коллективизации крестьянских хозяйств. Изучение социального состава сельских коммунистов показывает начало процесса дифференциации в сельской партийной среде, что шло в разрез с партийной политикой и замалчивалось советскими историками. Для достижения цели исследования поставлены следующие *задачи*: во-первых, определить динамику изменения социального состава сельских коммунистов; во-вторых, провести анализ их социально-экономического положения; в-третьих, показать начало процесса дифференциации в партийной среде.

В статье применяются следующие *методы исследования*: принцип историзма, системный подход, метод сравнения и историко-типологического анализа, а также количественный метод исследования.

Теоретической базой исследования послужили не опубликованные ранее архивные источники, опубликованные статистические сборники, печатное издание «Отчета Тамбовского Губкома РКП(б) XVII губернской партийной конференции за время с декабря 1924 г. по ноябрь 1925 г.», которое направлялось в Статотдел ЦК РКП(б), политико-экономический журнал ЦК РКП(б) «Большевик» с публикациями видных деятелей РКП(б) М. Хатаевича, В. Кнорина, Е. Смиттена.

Практическая значимость исследования заключается в доказательстве положения о том, что в любом обществе для правящей партии в ходе проведения любых реформ задачей первостепенной важности является формирование определенных социальных слоев для продвижения и проведения избранного курса. Как видно на примере 1920-х гг., эта задача усложняется в аграрном регионе, где сельские партийные организации имели не только свои культурно-политические, но и хозяйственно-трудовые особенности. Изучение социального состава деревенских коммунистов 1920-х гг. может быть использовано для объяснения политических практик 1920-х гг. и «великого перелома» в истории советского крестьянства.

Жизнь сельских коммунистов в провинции, на местах в период превращения партии в государственную структуру до настоящего времени не изучена. В советской историко-партийной литературе доминировали проблемы марксистско-ленинского учения о партии, партийного строительства, борьбы коммунистической партии за решение труднейшей задачи – коллективизации сельского хозяйства в период «развернутого строительства социализма по всему фронту». В современной литературе широко представлены работы как общего характера по истории Коммунистической партии Советского Союза [6, с. 161-204], так и политические, социальные и социокультурные исследования об укреплении партийных рядов и росте властных полномочий аппарата [1, с. 385-404], о всеохватывающей системе контроля за деятельностью как руководящего, так и рядового состава партии [2], о партийных привилегиях [12], о партийной элите и линиях ее политического поведения [18], о партийной принадлежности как способе повышения социального статуса [4]. Эти проблемы разработаны в том числе и на примере отдельных региональных партийных структур [3; 15]. Таким образом, социально-экономическое положение сельских коммунистов остается неизученным. Эта проблема является важной не только для реконструкции сельской партийной жизни нэповского периода, но и дает представление о хозяйственной деятельности тех крестьян, которые являлись проводниками большевистской политики в деревне в переломный исторический период. Партийное руководство страны считало задачу определения социального состава сельских коммунистов чрезвычайно важной, ведь с переходом к нэпу партия оказалась не в силах контролировать положение дел в деревне [10, с. 161].

Изучение социально-экономического положения сельских коммунистов также проливает свет на изменение социального состава партийцев и помогает понять политическую историю сельской России 1920-х гг., когда большевистская партия осуществляла коммунистический эксперимент в стране с преобладающей массой крестьянского населения. Рассмотрение этой проблемы наиболее показательным на примере Козловского округа Центрально-Чернозёмной области, который являлся типичным аграрным регионом страны.

Округ был образован в результате административно-территориального деления страны в 1928 г. на территории бывшей Тамбовской, Рязанской и Воронежской губерний и состоял из 19 районов с 2 326 населенными пунктами в сельской местности и населением в 1 100 645 человек. В округ вошли Козловский, Липецкий, Моршанский уезды Тамбовской губернии, Раненбургский уезд Рязанской губернии и Усманский уезд Воронежской губернии. В округе было 2 города – Козлов, Раненбург – и 3 поселка городского типа – Грязи, Данков и Лев Толстой с населением 8% всех жителей округа. Таким образом, Козловский округ имел преобладающее сельское население в 92%. По переписи 1926 г. сельскохозяйственное производство было представлено индивидуальными крестьянскими хозяйствами (97,7%), хозяевами с наемными рабочими (0,6%), рабочими (0,2%), служащими (0,1%), одиночками (1,4%). В сельской местности округа была очень низкая грамотность населения: из 100 душ – 31,7 грамотных [11, с. 4, 11-12, 17, 22; 20, с. 4-5].

Провал расчета большевиков на мировую революцию к 1925 г., рост хозяйственной активности российско-го крестьянства диктовали новую стратегию построения социализма в отдельно взятой стране. Главная задача партии в деревне заключалась в том, чтобы «сомкнуться с основной массой крестьянства... и двинуться вперед вместе с этой основной массой по пути к социализму» [17, с. 123-124]. Вместе с тем партийное руководство было обеспокоено крайней малочисленностью коммунистов в массе крестьянского населения. Ленинский призыв 1924-1925 гг. увеличил состав партии за счёт рабочих. Что касается вербовки в партию крестьян, то в резолюции

XIV Всесоюзной конференции РКП(б) в апреле 1925 г. была поставлена задача «большого привлечения батраков, бедняков и лучшей революционной части середняков в ряды... партийных организаций» [9, с. 357].

В общероссийском масштабе в сельской местности на каждую среднюю волость приходилось немногим более 1,5 партийных ячеек, одна ячейка приходилась на 5,5 сельсоветов, а каждый сельсовет охватывал до 20 и более селений; большинство из них имели на учете максимум 5-8 членов. Зачастую они жили по одному или двое в нескольких селах, и почти все занимали административные должности, являлись пришлыми, переброшенными из города или соседних волостей. Такая распыленность коммунистов затрудняла их совместную работу, партийную и общественную активность и делала их зависимыми от окружающего крестьянского населения. Парткомы часто практиковали переброску членов партии, работающих в волостях, чтобы избежать «порчи» находящихся на руководящей деревенской работе коммунистов и их зависимости от окружающей обстановки. Крестьян-коммунистов не набиралось и 10% [19, с. 75, 78].

По данным партийных информационных сводок, сведения о численности коммунистов собирались один раз в год. Однако к концу 1925 г. партийная статистика не располагала точными данными о количественном и особенно качественном учёте партийцев. По мере укрепления большевистской власти крайне необходимым становилось серьёзное изучение всех коммунистов, к тому же в 1925-1926 гг. в деревенские организации вошло более 170 000 кандидатов и членов партии. И в конце 1925 г. удельный вес крестьян-землепашцев достиг 14,6% [5, д. 155, л. 4; 7, с. 33; 16, с. 69].

Для сравнения динамики изменения социального состава партии приведем данные о росте числа коммунистов по Тамбовской губернии, поскольку в большинстве своем Козловский округ был образован из уездов Тамбовской губернии. До 1925 г. рост деревенских ячеек в Тамбовской губернии шел за счет служащих, милиционеров, делопроизводителей и т.д. С 1925 г. начался рост числа коммунистов за счёт крестьян-землепашцев [13, с. 21-22].

На 1 января 1923 г. в Тамбовской организации РКП(б) состояло 4 018 человек, из которых рабочих было 1 014, крестьян – 1 361, служащих и прочих – 1 077. Как видно, в организации преобладали крестьяне и служащие, рабочих было меньше трети всей организации. Крестьяне фактически не вели свое хозяйство, а занимали те или иные общественные должности. В течение 1925 г. в кандидаты было принято 2 851 человек: 865 рабочих (748 рабочих «от станка»), 1 441 крестьянин (910 крестьян «от сохи»), 545 служащих, 350 женщин, 538 комсомольцев. Подавляющее большинство стали кандидатами от крестьян. В среднем в месяц принимали 131 крестьянина, среди них 83 человека «от сохи». Слабо шел прием батраков – всего 38 заявлений, в то время как во всей губернской организации было 17 коммунистов-батраков [Там же, с. 22-24].

В конце 1925 г. в Тамбовской губернии было 328 ячеек, из них 200 – деревенских, из которых при совхозах было всего 2 и при колхозах и коммунах – 3. Волостных ячеек было 35 (волостных комитетов – 57), остальные деревенские ячейки находились при селах, большинство из них – в крупных волостных центрах или в бывших волостных селах. Работа в деревне отличалась своей спецификой. Как правило, сельские ячейки состояли из 5-7 коммунистов, которые были разбросаны по разным посёлкам и деревням на расстоянии до 10 верст от ячейки. Конечно, все это сказывалось на работоспособности сельских ячеек [Там же, с. 25]. Секретари ячеек часто менялись, иногда раньше окончания срока. В большинстве случаев работа секретаря не оплачивалась, выполнялась как повинность, поэтому секретари не могли вести постоянную работу [Там же, с. 33].

В конце 1928 г. в Козловском округе Центрально-Чернозёмной области проводилось анкетное обследование социально-экономического состояния хозяйств коммунистов-крестьян и их участия в колхозном строительстве. Материалы этого отчета являются важным источником для изучения политического, экономического, социального, культурного и бытового облика сельских коммунистов 1920-х гг., которые не потеряли связь с хозяйством. Ценность данного источника – в его репрезентативности, поскольку анкетным обследованием было охвачено 73% коммунистов-крестьян округа, или 533 человека, которые были распределены на три группы: члены районных комитетов ВКП(б) – 62 человека, члены бюро ячеек – 68 человек и рядовые коммунисты – 403 человека, причем первые две группы были охвачены обследованием целиком в полном составе, а рядовые коммунисты – выборочным путем, по усмотрению райкомов. Таким образом, характеристика как руководящего сельского состава ВКП(б), так и рядовых коммунистов содержит главные отличительные особенности практически всех коммунистов Козловского округа 1920-х гг.

Большинство охваченных обследованием коммунистов – крестьяне, занятые в своем хозяйстве, т.е. так или иначе представляли группу сельских коммунистов «от сохи», на которых возлагалась основная работа по продвижению политики партии в деревне. Преобладающее большинство их вступило в партию после 1925 г. В конце 1928 г. крестьян-коммунистов со стажем до 3 лет насчитывалось 405 человек, или 76%. Среди них отдельно по группам: 35 человек, или 56,4%, – членов райкомов, 42, или 62%, – членов бюро ячеек, и самую большую группу с небольшим стажем представляли рядовые коммунисты – 329 человек, или 81,6%. Рядовые коммунисты были не только самыми молодыми по стажу, но и самыми молодыми по возрасту – от 20 до 35 лет; их насчитывалось в этой группе 331 человек, или 80%, затем шли члены райкомов – 48 человек, или 77,4%, и члены бюро ячеек – 48, или 71%. В целом среди сельских коммунистов молодежь в возрасте от 20 до 35 лет составляла 417 человек, или 78% [5, д. 155, л. 38-39].

Социально-экономическая характеристика хозяйств коммунистов включает количество душ в семье, наличие рабочих рук в хозяйстве, обеспеченность землей и распространенную систему земледелия, обеспеченность рабочим скотом и инвентарем, аренду земли, использование наемного труда, налоговую платежеспособность.

Семьи сельских коммунистов Козловского округа были многочисленными, включая и местных руководителей – членов райкомов. У более половины членов райкомов и бюро ячеек состав семьи превышал 5 человек, чего нельзя сказать о рядовых коммунистах, среди которых количество таких семей составляло менее половины их числа. В большинстве хозяйств имелось небольшое количество рабочих рук – от 1 до 3, где сам коммунист являлся главой семьи. Свыше 5 рабочих рук в таких хозяйствах встречалось крайне редко [Там же, л. 39]. Это были типичные индивидуальные (единоличные) крестьянские хозяйства ЦЧО.

Что касается обеспеченности земель, то сельские коммунисты в большинстве своем имели небольшие наделы – до 1,5 десятины на душу, что с трудом обеспечивало прожиточный минимум земледельца в условиях Центрально-Чернозёмной области. Крайне редко встречались хозяйства с 2 десятинами на душу населения и еще реже – более чем с 2 десятинами [Там же]. Таким образом, земледелие в качестве основного дохода, характерного для обычных крестьянских хозяйств, могло обеспечить коммунистам только скудное выживание.

Между тем культура хозяйствования, которая связана с определенной системой земледелия, проявлялась в большей степени в хозяйствах коммунистов на фоне отсталого земледелия региона. В целом более прогрессивная многопольная система была распространена у 23% всех хозяйств коммунистов, а трехполька – у 77% [Там же, л. 40], в то время как в обычных крестьянских хозяйствах региона многопольная система охватывала всего 8,1% всей площади пашни [14, с. 215]. Однако в различных группах коммунистов имелись особенности. В хозяйствах членов райкомов преобладало многополье в большей степени, чем в хозяйствах членов бюро ячеек, и менее всего такая передовая система была распространена у рядовых коммунистов.

В отношении наличия сельскохозяйственного инвентаря, без которого невозможна самостоятельная хозяйственная деятельность, мы видим следующую картину. Хотя для всех хозяйств коммунистов была характерна низкая обеспеченность сельскохозяйственным инвентарем – 42,8% вообще не имели в хозяйстве инвентаря, все-таки они были лучше им обеспечены по сравнению с крестьянами округа, где 47,98% крестьянских хозяйств не имели пахотного инвентаря [11, с. 65]. Среди тех, кто его имел, члены райкомов в большей степени были снабжены сохами, плугами, железными и деревянными боронами, а также сложной сельскохозяйственной техникой – сеялками, жнейками, конными молотилками, веялками и сортировками. Рядовые коммунисты менее всего были обеспечены инвентарем, особенно сложной сельскохозяйственной техникой: всего 10,9% рядовых коммунистов имели в хозяйстве либо сеялку, либо жнейку, либо конную молотилку, либо веялку и сортировку. В таких хозяйствах не была широко распространена ни аренда земли, ни использование наёмного труда: всего 16 коммунистов арендовали землю до 3 десятин, и 7 коммунистов использовали наёмный труд в своих хозяйствах. Наёмным трудом батраков на срок от 2 до 4 месяцев во время летних полевых работ пользовались семьи середняков. Часть из них нанимали работников из-за отсутствия рабочих рук, а члены райкомов – вследствие занятости на общественной работе. Сдачу земли в аренду размером до 5 десятин практиковали 27 коммунистов, в основном это были члены райкомов и бюро ячеек или коммунисты-бедняки [5, д. 155, л. 40-41].

Обеспеченность рабочим скотом сопоставима с региональными данными: почти половина хозяйств (49,1%) были безлошадными, не имели рабочего скота. Группа безлошадных крестьян в Козловском округе составляла 48,53% всех хозяйств [11, с. 65]. Соответственно, только половина всех коммунистов обрабатывали хозяйство своим скотом и инвентарем, остальные предпочитали нанимать их у частных. Из всех 13 многолошадных хозяйств только одно хозяйство имело небольшую семью из 6 человек, все остальные хозяйства имели семьи от 9 до 15 душ. Абсолютное большинство хозяйств имело посев от 2 до 8 десятин – 51,4%, затем – до 2 десятин – 43,4% и меньшинство – с посевом от 8 и выше десятин – 5,2%. Что касается уплаты налогов, то 45% хозяйств либо полностью были освобождены от налога, либо платили до 5 руб. Еще четверть всех хозяйств платили налог от 5 до 10 руб. Крупных хозяйств, уплачивающих налоги свыше 50 руб., было всего 16 [5, д. 155, л. 41-42].

По социальным группам всех крестьян-коммунистов также можно разделить в соответствии с общепринятой классификацией: среди членов райкомов 36% составляли бедняки, 64% – середняки, в числе крепких середняков имелось одно зажиточное, по мнению властей, близко стоящее к кулацкому хозяйству. Среди членов бюро ячеек бедняки составляли 60%, середняки – 40%. Среди рядовых коммунистов бедняки составляли 56,4%, середняки – 43,6%, в числе крепких середняков имелись два кулацких хозяйства [Там же, л. 43].

Большинство коммунистов главным источником существования рассматривали свое хозяйство, около трети – служебную должность, среди источников доходов рядовых коммунистов также были батрачество, заработки вне сельского хозяйства и кустарничество. Главным денежным доходом в хозяйствах коммунистов являлась служба (53,5% хозяйств) или доход от продажи зерновых культур (42,6%). Также среди денежных доходов числились доходы от животноводства, табаководства и кустарных промыслов [Там же].

Что касается участия в колхозном строительстве, то среди членов райкомов 19,4% участвовали в колхозном строительстве с полным обобществлением хозяйств, 43,4% – в первичном колхозном объединении, еще 27,7% участвовали в организации колхозов, и 9,5% не участвовали в колхозном строительстве. Среди членов бюро ячеек и рядовых коммунистов была другая ситуация. Возьмем, к примеру, рядовых коммунистов. С полным обобществлением хозяйств в колхозах было только 5% хозяйств рядовых коммунистов, в первичном колхозном объединении – всего 17,3%, участвовали в организации колхозов всего 9,5%, не участвовали в колхозном строительстве 68,2%. Промежуточное положение по всем показателям занимали члены бюро ячеек. Таким образом, к концу 1928 г. более двух третей сельских коммунистов не участвовали в колхозном строительстве. Руководители Советского государства считали такое положение дел неприемлемым. Что касается участия в кооперативном движении, то 2/3 коммунистов участвовали в потребительской

кооперации, 1/3 – в сельскохозяйственной. Коммунисты в большинстве своем не принимали участия в общественной жизни села [Там же, л. 44-45]. Между тем партийные решения обязывали коммунистов участвовать в сельскохозяйственных коллективах своего района или общества или выступать с инициативой создания этих организаций, если таковых не было [8, с. 499].

Таким образом, мы пришли к следующим **выводам**. К середине 1920-х гг. сельские партийные организации были слабыми и неспособными выполнять задачи партии в деревне. Широкое привлечение крестьян-землепашцев в партию началось с XIV Всесоюзной конференции РКП(б), которая состоялась в апреле 1925 г. Социальный состав ВКП(б) в Козловском округе отражал аграрную специфику хозяйства региона. С начала 1920-х гг. сельские партийные организации преобладали над всеми остальными группами партийцев. Однако крестьян-коммунистов фактически представляли пришлые партийные функционеры. С 1925 г. подавляющее большинство кандидатов в члены ВКП(б) представляли крестьяне, занятые в своем хозяйстве; слабо шел прием в партию батраков.

В Козловском округе ЦЧО в конце 1920-х гг. сельские коммунисты в большинстве своем были молодыми людьми в возрасте от 20 до 35 лет с небольшим партийным стажем до 3 лет, многочисленными семьями и минимальным количеством рабочих рук в хозяйстве, несколько лучшим обеспечением сельскохозяйственными орудиями труда по сравнению с окружающими крестьянскими хозяйствами и с более высокой культурой земледелия. Основным источником существования большинство коммунистов считали свое хозяйство, а главным денежным доходом – служебную деятельность. В условиях индивидуального крестьянского хозяйства земледелие как основная отрасль хозяйства региона не могло обеспечить достаточного дохода сельским коммунистам.

Несмотря на то, что коммунисты мало чем отличались от малоимущей крестьянской среды, к концу 1920-х гг. наметилась определенная тенденция расслоения в партийных группах. Можно сказать, что местные партийные руководители – члены райкомов и бюро ячеек – были в основном многодетными, что косвенно указывает на их большую обеспеченность. В их хозяйствах распространение получила прогрессивная система земледелия – многополье. Они в большей степени были обеспечены орудиями труда и даже сложной сельскохозяйственной техникой, часть из них сдавала землю в аренду. Материальные преимущества руководителей партии по сравнению с рядовыми коммунистами подтверждает тот факт, что среди членов райкомов было меньше бедняков. Так наметилась тенденция не сближения партийных руководителей с «широкими массами крестьянства», а обособления и отчуждения. Однако члены райкомов более активно участвовали в строительстве колхозов по сравнению с рядовыми коммунистами, которые не подавали личного примера в этом важном государственном строительстве.

Список источников

1. Анфертьев И. А. РКП(б) – ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920-1930-е гг.: программы преобразований и борьба за власть: дисс. ... д. ист. н. М., 2019. 789 с.
2. Анфертьев И. А. Руководство РКП(б) в условиях перехода к новой экономической политике: Центральная контрольная комиссия и «чистки» партийных кадров // Новый исторический вестник. 2015. № 3 (45) С. 65-78.
3. Биццоха В. Г. Членство в РКП(б) – ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса в 1918 – начале 1920-х гг. (на примере Саратовской парторганизации) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 4. С. 123-125.
4. Головин С. А. Членство в РКП(б) – ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920-1930-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 33-44.
5. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 2. Оп. 1.
6. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисева. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 671 с.
7. Кнорин В. Ленинский призыв, его состав и запросы // Большевик. 1924. № 10. С. 33-45.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988): в 16-ти т. М.: Политиздат, 1983. Т. 2. 1917-1922. 606 с.
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988): в 16-ти т. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. 1922-1925. 494 с.
10. Конквест Р. Жатва скорби. Л.: Overseas Publications Interchange, Ltd., 1988. 620 с.
11. Краткий статистический справочник по Козловскому округу ЦЧО. 1926, 1927 и 1928 гг. Издание Козловского Окружного Исполнительного Комитета. Тамбов, 1929. 151 с.
12. Лютов Л. Н. Система привилегий членов правящей партии в 1921-1923 годах // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 98-107.
13. Отчет Тамбовского Губкома РКП(б) XVII губернской партийной конференции за время с декабря 1924 г. по ноябрь 1925 г. Издание Губкома РКП(б). Тамбов, 1925. 132 с.
14. Петришина И. Д. Интенсификация в крестьянских хозяйствах ЦЧО в годы нэпа (1921-1929 гг.) // Государственная власть и крестьянство в XX – начале XXI века: сборник статей. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2009. С. 213-218.
15. Саран А. Ю. Контрольные органы региональных структур ВКП(б) 1920-1930-х гг. (на примере Центрально-Чернозёмной области) // История. Факты и символы. 2016. № 4 (9). С. 132-138.
16. Смиттен Е. К итогам регулирования роста партии // Большевик. 1926. № 12. С. 60-72.
17. Сталин И. В. К итогам работ XIV конференции РКП(б): доклад активу московской организации РКП(б) 9 мая 1925 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13-ти т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. Т. 7. 420 с.
18. Фельдман М. А. Партийно-советская элита в 1922-1928 гг.: социокультурные характеристики и линии политического поведения // Вопросы управления. 1918. № 3 (33). С. 29-36.
19. Хатаевич М. О состоянии и работе партийной ячейки в деревне // Большевик. 1925. № 3-4 (19-20). С. 74-86.
20. Центрально-Чернозёмная область: статистический справочник / областной статистический отдел. Воронеж, 1929. 463 с.

“Folksy” Party Members of the 1920s: Socio-Economic Characteristic of Rural Communists by the Example of Kozlov District of the Central Black Earth Region

Petrishina Irina Dmitrievna, PhD

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
petrishina62@mail.ru

The paper aims to reveal the socio-economic status of rural communists of the 1920s by the example of an agrarian region. The article describes economies of “folksy” communists-ploughmen. Scientific originality of the study involves a comprehensive analysis of rural communists’ socio-economic status in Kozlov district in the years of New Economic Policy. The research findings are as follows: the author shows that in Kozlov district of the Central Black Earth region, rural communists prevailed, reveals specificity of their socio-economic status and identifies the tendency for separation of the rural leaders of the All-Russian Communist Party (Bolsheviks) from the lower-ranking party members.

Key words and phrases: New Economic Policy; rural communists; party cells; peasant economy; socio-economic status; collective farm development.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.9>

Дата поступления рукописи: 16.06.2020

Цель исследования заключается во введении в научный оборот откомментированного документа, выявленного в фондах Российского государственного военного архива. Документ посвящен борьбе с антибольшевистским повстанчеством в Поволжье в первый год нэпа и является аналитическим продуктом военного штаба, ведшего эту борьбу. В силу данного обстоятельства документ и работа с ним позволяют лучше уяснить обстоятельства и специфику вооруженной борьбы в 1921-1922 гг. на нижневолжском и уральском театрах военных действий. Публикуемый доклад демонстрирует взгляды военного руководства на характер и перспективы борьбы с повстанцами, а также их политическую оценку. **Научная новизна** заключается в представлении читателю значимого документа, который содержит новый фактический материал и оценочные суждения о завершающем этапе Гражданской войны в России. **В результате** показано, что военные инстанции серьезно относились к вооруженному противодействию со стороны населения и предлагали жесткие комплексные меры по его преодолению.

Ключевые слова и фразы: Поволжье; население; политический бандитизм; Серов; методы борьбы.

Посадский Антон Викторович, д. ист. н., доц.

Поволжский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Саратов
Posadav68@mail.ru

Штаб дивизии РККА о заволжском повстанчестве начала 1920-х годов

Актуальность темы заключается в необходимости расширять источниковую базу изучения крестьянского движения в России в годы Гражданской войны, особенно на его заключительном этапе, в 1920-1922 гг., когда позволительно говорить о крестьянской войне. Для достижения заявленной цели были последовательно решены следующие *задачи*: проведен архивный поиск и выявлен содержательный документ; документ атрибутирован, осуществлено научное комментирование; документ подготовлен к печати.

В работе использованы общенаучные *методы исследования*, а также применен источниковый анализ выявленного документа.

Теоретическую базу исследования составили правила публикации и комментирования документов в контексте исследования крестьянского движения в России в парадигме крестьянской революции 1902-1922 гг.

Практическая значимость предложенной работы заключается в расширении источниковой базы изучения крестьянского движения в Поволжье в 1917-1922 гг., а следовательно, и возможностей понимания механизмов и масштабов протестной активности крестьянского населения региона, оценок советской стороной эффективности и перспектив борьбы с повстанцами.

Период нэпа традиционно принято отсчитывать от соответствующего решения X съезда РКП(б). Как правило, с изменением экономической политики сопрягается и крах вооруженного повстанческого сопротивления большевистской власти, и успокоение страны, то есть завершение Гражданской войны. В реальности ситуация была не столь однозначной. Партийное решение не принесло сразу быстрых плодов. Продолжал выбивался столь же решительно вооруженной рукой, как и прежде подразверстка. Наиболее масштабные боевые действия против тамбовских повстанцев относятся уже к – формально – нэповскому периоду. Так же обстояли дела и в переселенческом Поволжье. Мощное движение Голодающих крестьян в Новоузенском уезде в марте – апреле 1921 г. и рейдовое повстанчество К. Т. Вакулина – Ф. Е. Попова в декабре 1920 – мае 1921 г. являлись наиболее сильными и организованными движениями в регионе. Долгожителем же среди повстанческих вождей стал бывший красный командир, соратник А. П. Сапожкова